

Тамара Жирмунская

**К I W I
К И В И**

(стихи 1999-2009 г.г.)

Сана (Москва):

007-499-1437359

(

45 лет назад покинул этот земной
мир наш и драматург Геннадий
Шпажков. (Т. Тежеева)

01.11.2019

Тамара Жирмунская

К I W I

К И В И

(стихи 1999-2009 г.г.)

Москва 2009

**Тамара Жирмунская –
признанный мастер лирической поэзии,
автор одиннадцати книг стихов и прозы,
лауреат премии
Союза писателей Москвы "Венец".**

*Благодарю Леонида Бердичевского,
Ольгу Бешенковскую (посмертно), Игоря Виноградова,
Юрия Каплана, Юрия Кублановского, Татьяну Кузовлеву,
Владимира Леоновича и других товарищей, которые
способствовали публикации моих стихов последних лет в
журналах «Континент», «Новый мир»,
альманахах «До и после», «Кольцо А»,
«Коростель», «Родная речь»,
«Юрьев день».*

Набросок с натуры

Река течет и там,
где не должна бы течь,
сквозит, струясь,
в перешлетеньях веток.
Путь в гору,
как возвышенная речь,
путь под гору –
два слова напоследок.

Люблю, люблю
жар четырех крестов,
белянку-церковь
в старорусском стиле,
на ржавой двери
маленький засов,
чтоб воры хоть на миг
повременили.

Люблю, люблю
пионов чахлый куст,
растущий месяц
с колокольной вровень
и всю Тарусу,
без которой пуст
ваш Мюнхен, полный
всяческих диковин.

*** **

Эмиграция – такая суета,
в суете пронесишь ложку мимо рта,
не упомнишь ни дворцов, ни базилик,
как насмешка над родным, чужой язык.

Эмиграция идейною была,
била в «Колокол», во все колокола.
Эмигрантом был и сам великий Дант.
Измельчал наш престарелый эмигрант.

Так устал от груза пройденных дорог,
изболелся, исстрадался, изнемог,
что решился: «Закругляться буду тут,
где дожить по-человечески дадут».

Интересно, посещал ли грозный Дант
многошумный, как базар, социаламт,
получал ли кучку фунтов Искандер*,
будто вышедший в тираж пенсионер?

Наш везде поспеет... Зная что почем,
растолкнет сородичей плечом,
сэкономит, чтоб не только есть и пить,
но на мир взглянуть и книжицу купить.

«Тамиздаты» прогремели и прошли.
Кто теперь тут единицы, кто нули?
Человек нигде не может быть нулём,
ибо Божий дух струится в нем.

Эмиграция, конечно, суета,
но открылись проржавевшие ворота,
и в чужое небо впаян, как бриллиант,
битый жизнью, но живучий эмигрант.

* Литературный псевдоним А.И.Герцена.

Нюрнберг 1999

«Не НюрнБЕрг, – поправляют, – НЮрнберг».
Тут не хватает лишь лингафона.
Среди российских штанов и юбок
мелькнет немецкая униформа.

А может, это глаза ребенка,
что к взрослым жался в недетском страхе,
германцев видят так однобоко,
из красок мира запомнив: хаки!

В казарме тихо. Я не сказала,
что, как кормушка в железных прутьях,
за изгородкой видна казарма
в двух корпусах под названьем «Грюндик»

Символ дерзанья и досяганья.
Техникой бредили и арийцы.
ТЬфу, инородцы кишат под ногами.
Нужно «ненужными»* распорядиться:

«Айн, цвай...» Но те, кто, устав от торга,
жиды – хорошо это или худо,
сюда приехал, не будут строго
думать, куда, а скорей – откуда.

Нары... Белье, хоть и обветшало,
видно: стирали его на совесть,
не пожалев порошка и крахмала,
к встрече законных гостей готовясь.

Перед осмотром чтобы помылись,
крупными буквами объявление...
Неблагодарные тут же смылись,
а благодарные в умиление:

Хорошее дело затеяли боши.
Да, были допущены перегибы.
Кадили Зверю... А мы-то, Боже?..
Но протрезвели... А мы могли бы?

И почему молодым, умелым
надо внушать, что они виноваты,
раз не причастны они ни к расстрелам,
ни к этим газовым аппаратам?»

Но «Нюренбергский процесс» – не просто
фильм, что когда-то снял Стэнли Крамер, –
он, как невидимая короста,
кожу кровавыми рвет клоками.

Все еще тянется век насилия.
Перелистнуть бы эту страницу!
Те, что приехали, не забыли.
Тем, что встречают их, не забыться...

**Notige juden - евреи, могущие быть полезными
для третьего рейха. Unnotige – ненужные. .*

Парк Нимфенбург зимой

И боги, и богини, и герои
упрятаны от стужи в короба,
щитами крыты, как стволы корою,
заключены в стоячие гроба.

Обманутым январской стрижкой веткам
не зацвести, и ты их не тревожь.
Как из седых волос, ушла с пигментом
вся их упругость, лепота и мощь.

Не бьют фонтаны, не пылают розы,
изрыл газоны кропотливый крот,
земля черна и даже не промерзла,
что так привычно для иных широт.

Удобно быть одной из иностранок:
идешь и говоришь сама с собой...
Белеет снег салфетками на ранах,
зимою нанесенных, как судьбой.

*** *** ***

*Нет, ты полюбишь иудея,
Исчезнешь в нем – и бог с тобой!*

О.Мандельштам

Иисус, но не Христос, а Навин,
который к солнцу «Стой!» воззвал.
С ним, дерзким, Гавриил Державин
себя недаром рифмовал.

Не жёны, чьей красе семитской
красы небесной отблеск дан,
омытые и древней миквой,
и погруженьем в Иордан,

а их праплатери... Не тесно
в шатре, где лишь она и он,
разверсты нежные ложесна,
чтоб множить семя сих племен...

О иудеи! Вас не может
никто спокойно перенести.
Вас будут гнать, корить, корезить,
петь дифирамбы в вашу честь.

Отец на два тысячелетия
отпустит вас, но у ворот
всё будет ждать: «Я с вами, дети!»
и снова дома соберет.

Здесь Дух Святой... О нём радея,
опять ковчег воздвигнет Ной.
Я полюбила иудея,
и гибну в нем – и Бог со мной.

*** *** ***

Потомки тех, которые
Екатериной званы,
подставлены историей,
зализывают раны.

Алтайские и омские,
такие и сякие,
с каталками-котомками
тикают из России.

Трудились, что-то нажили,
дивясь сибирской шири,
но на вопрос «Вы наши ли?»
ответили: «Чужие!»

И вот бросают кухоньки,
а с ними и коттеджи,
где сладко пахнет кухоном,
да попраны надежды,

где память об изгнании
с чужбины на чужбину,
как знания сакральные,
дарила немка сыну...

Недавний житель Мюнхена,
одна из многих «гоим»,
я кухона не нюхала
и не слыла изгоем,

но были озабочены
глаза судей суровых:
в анкете червоточина,
она из полукровок.

На солнце дети нежатся.
Общага как общага.
У контингентных беженцев
туз козырной – бумага,

что хоть один из троицы,
благословив природу,
принадлежит по совести
к еврейскому народу.

Социаламт, полиция
и Арбайтсамт впридачу,
как будто взят с поличным – и...
и клянчишь передачу..

Отцы общины, брезгуя:
«Платить? С какой же стати?
Не юдиш – смесь вселенская».
Но платят всем: «Врастайте!»

Врастем прочнее прочного,
прибиты сытной пищей,
и вдруг, как отзвук прошлого:
не коренной ты – пришлый.

Ну ладно, мы-то пожили
на черно-белом свете.
Хозяева хорошие,
ребятушек не метьте...

Хрустальная ночь. 9.11.1938

Бить, сокрушая, зеркала,
бить стекла – окна и витрины...
Толпа, зверея, прокляла
иуд – они одни повинны

в том, что нищает бедный люд,
жиреют толстосумы. Немцы
на горбоносых спину гнут.
Всем заправляют иноверцы.

Еврейские гешефты – вдрызг!
Звезду Давида – за решетку!
Я слышу окаянный визг,
как прокаженные – трещотку.

Бить все, что отражает свет,
вбивать осколки в мрак и сырость...
Темнее ночи в мире нет,
навек солнце закатилось.

Одумайтесь! Сквозь блески слез
в соборах и Пинакотеке
на вас глядит еврей Христос...
«Он Бог, а это – человеки.»

Для лжехристьян не сыщешь злей
врагов, чем те, в чьем доме Тора.
Благословенный город сей
был, как Содом и как Гоморра...

Господь народ свой отстоял,
хоть многие ушли до срока...
Один таинственный кристалл
во тьме светился одиноко.

Не вечен мрак, не вечен страх,
вот-вот, пока еще не поздно,
к ногам подросшей Анны Франк
он упадет и вспыхнет звездно.

Хвалебная ода

Есть мания величия,
есть мания преследования...
Все отговорки лишние,
к чему пустые сетования?
Германия-гурмания* –
есть и такая мания.

Из Шри-Ланки и Косова,
из Киева и Витебска
толпа разноголосая:
– Даешь нам вид на жительство! –
раз правильно оформлены,
вы будете накормлены.

Не то чтоб всем по ложище -
кому-то и по ложечке,
не то слизнут чудовища
со всех пирожных розочки.
Расчетлива Германия
и тем она гуманнее.

Огорока – пионами,
а розы – сливки взбитые...
Все кажутся влюбленными,
лишь потому, что сытые.
Поверишь, вкусно кушая,
в хозяйское радушие.

С немецкою балладою
сравнимы кексы-пончики.
А с лагерной баландою
здесь навсегда покончено.

В Дахау и Освенцимы
вбит кол (беседа с немцами).

Как не хвалить Германию
с халявными обедами?
Про случай с кашей манною
нам братья Гримм поведали.
Кто знал, что доиграемся:
той каши нахлебаемся?

Пока ее я славил,
Германия-кормилица
цветных под душ поставила,
велела дольше мылиться,
дала приют отверженным,
а всяким необрезанным
из племени Давидова
бессрочный паспорт выдала.

** Выражение принадлежит
поэтессе Нине Красновой*

Письмо

Я из Германии ненастной
тебе пишу, мой друг пристрастный
(пре-страстный в силу двух кровей),
сперва по-черному гулявший,
потом всего себя отдавший
малышке с челкой до бровей.
Твой выбор одобряю, ибо
малышка плотью – духом глыба,
скала и умница к тому ж,
не мне чета. Нашла же ключик
к твоей душе. «Я подкаблучник, –
ты говоришь, – я женин муж».
Да, но, унижаясь сладко,
ты, не из робкого десятка,
за всех за нас в Роландов рог
трубил, готов в огонь и воду
за Сахарова, за свободу,
поставил на кон все, что мог,
и был обыгран кем попало.
Малышка за двоих пахала,
а ты стыдился, что поэт...
Поэт – ведь это первородство,
а диссидент – иные свойства,
у диссидента музыки нет.
Послушай: может, диссидентство –
немного возвращенье в детство,
мечта, что можно жить без пут?..
Афганец, турок, чернокожий –
все диссидентствуют похоже,
и все в Германии живут,
а ты в России. Зимостойкий
и до, и после перестройки,
воюет за тебя твой стих.

Стих предпочтем любым идеям,
ну а любовь свою поделим,
как злое зелье, на троих.

*** **

Лебедиха у спуска
в пруд, в студеную сырость.
Поработала гузкой,
а потом раскрылилась,

перевесила через
край своё опахало,
чтобы яйца прогрелись,
ни одно не пропало.

Молодец, пионерка
из самых отчаянных!
Распласталась, как грелка
на фарфоровый чайник...

Где же лебедь? А лебедь
бьёт крылами о воду,
он достроит, долепит
домик Богу в угоду,

он старается тоже:
из травы одеяло
подтыкает под ложе,
только б не замерзала,

носит камни, былинки
с верностью лебединой
и сдувает дождинки
со своей половины...

Лебедиха на яйцах -
значит, надо встряхнуться,
а не спать на полатях -
можно и не проснуться.

**В мире взрывов и пыток,
лжи, предательства, мести
пусть свершится прибыток
хоть в лебяжьем семействе.**

*** **

Дмитрию Сухареву.

Интернет, как перископ,
зорко выдвинут в пространство,
чтоб обнять всю землю, чтоб
не позволить ей распасться.

Счастья нет и мира нет,
но к услугам всех скорбящих
дружеских вестей доставщик:
утешитель Интернет.

Кликну адрес – в тот же миг,
скоростью надмирной теша,
полетит моя депеша
к адресату напрямик.

Там, за тридевять земель,
он вкусит ее на ужин
и забудет про метель,
про бряцание оружием.

Мир играет в протачка:
строит рожи, гонит строчку...
Вдруг опять свернется в точку,
точно до первотолчка?

*** **

Маленькие лилии,
все про вас забыли.
Или вы не лилии –
только запах лилий?

Но цветы невестятся
бледным флер д'оранжем,
после ливня светятся
светом непродажным...

Маленькие лирики,
нет вас в Интернете,
все вы – иксы, игреки
для бездушной Сети,

но, как вы, не верю я
тем, кто судит здраво
о любви; феерия-
жизнь имеет право

стать стихом, приправленным
болью вместо перца.
Писан не по правилам,
но зато от сердца,

кровью, а не лимфою
полон каждый образ.
Век возиться с рифмою –
это ж узколобость!

Вам не до гиперболы
и не до размера.
Всё прошло как не было –
лишь тоска безмерна...

**Вы в своем страдании
с Пушкиным на равных,
нету в мироздании
вашим ранам равных.**

Гармиш

Памяти о.А.Меня

Только во сне
веру свою
встретить могу –
воплощена
в том, кто рожден
Русской землей
в самый ее полуночный час
мрак разгонять
словом любви...
Русской землей он и убит.
Сколько убито после него.
Яблоку негде в шеоле* упасть...

В Гармише, той части его,
где стадион, радуга лиц,
джинсы, кроссовки –
все, как везде, –
руки Вселенной вскинуты вверх,
вознесены над мельтешней.
Дух протестует.
Нам же, слепым,
Альпами видится ярость Его.

Но приглядитесь:
в дикой скале, возле ущелья,
как медальон,
с белым Младенцем
Божия мать,
еле видна, белая вся.
Кто-то сумел,
вправил в базальт веру свою.

Фуникулеры выше скользят,
твари двуногие ниже идут,

каждый устал, ищет привал,
пивом залить жирный шашлык.

Остановлю бег свой и взгляд.

Тропы альпийские –

ниточки.

Мать

держит Младенца

и всех, кто в пути.

Собственной веры вспомнится лик.

Он растворен в их белизне.

**Шеол - преисподняя (древне-евр.)*

*** **

Эти мюнхенские эркеры –
рубки старых кораблей...
В край иной уплыли лекари,
векторы души моей.

Как матрос, на берег ссаженный,
лабиринтами брожу,
быт фестончатый, налаженный
скучно-пресным нахожу.

Все музеи перепробовала,
ламинатами скользя,
экспонаты перетрогала,
даже если и нельзя.

Хочешь за город – пожалуйста!
По малину, по грибы.
Так что, мать, смотри не жалуйся,
не беги своей судьбы.

Потому что где – авария,
где - пожар, где – недород,
где - взрывчатка... А в Баварии
не прозрел еще народ.

Не прозрел, не озверел еще,
в целом добр, с набитым ртом.
Если много хлеба – зрелища
отложили на потом.

Так чего ж ты хочешь, беженка,
от совсем чужой страны?
Есть грибы такие – вешенка –
и съедобны, да страшны.

*** **

Ты кто? Мой друг? А может, брат?
Любовь – натянутый канат.
Один конец – в моей руке,
другой – в твоей, но вдалеке...

Представь, что эта часть земли
ровней стола, что полегли
столбы, деревья, города,
из речек вылилась вода,

под нами мертвенная гладь,
и нам канат над ней держать.
От нас зависит, жизни быть
или совсем ее убить.

Я, точно тонущий пловец,
хватаю ртом один конец,
держу зубами – не рукой,
а ты держи конец другой.

Не охладей, не отрекись,
давай мотай его на кисть,
где был недавно перелом...
Удержишь? Знаю, что с трудом.

Больница

Тугие пружины дверей,
тугая струя из-под крана,
тугая – рукою погрей –
зашитая крестиком рана...

Когда мой багаж дорогой
поташат от ада до рая,
я вольтовой выгнусь дугой,
два полюса соединяя.

Иноходец

Памяти Владимира Корнилова

Был у меня друг.
Нету таких в округе.
Я не сразу, не вдруг
друга узнала в друге.
Что душой одинок, –
все друзья перемерли, –
что соленый комок
у насмешника в горле,
что без матери рос
и, во всем независим,
подпадет под гипноз
женских строчек и писем,
что живая вода –
чувство сестринства-братства,
мне открылось, когда
начинало смеркаться...

Не Урбанский, но с тем
было внешнее сходство:
не удержишь в узде
нервного иноходца.
Иноходью среди
чинных, как на параде,
шел. А ему: – «Гляди,
вышколим тебя, дядя!»
Школили. Били в лоб,
и по глазам, и в темя,
не выделялся чтоб,
в ногу чтоб шел со всеми.
Тошно от холуев,
им бы заняться случкой...
За него Гумилев,
и Есенин, и Слуцкий.

Честь родимой земли –
личное его дело.
С двух концов подожгли –
так в нем совесть горела...

Что дожало его,
я не знаю: «имейлы»,
по само Рождество,
путались и немели.
В боль свою заточен...
Ни малейшей надежды...
(Говорить с ним о чём?)
Обо всем, как и прежде...

Лишь восьмого числа
дух из темницы вышел.
Запоздала хвала.
Думаю, он не слышал
траурных передач,
что звенели в эфире.
Сдавленный женский плач
все же созвучней лире.

Январь 2002 г.

КИВИ

Январское солнце не больно-то дарит теплом.
Нагие деревья застыли в напрасном порыве.
Под чахлым растеньем – табличка, где чётким стилем
на ярко-серебряном смолью написано **KIWI**.

Так вот почему мне кислинка попала на зуб.
Больна? Одинока? Полна суетнёй? Догадайтесь!
Давно аксиома, что мир беспардонен и груб,
но все мы желаем еще и еще доказательств.

Я думала прежде, что здесь инвалидский приют –
так много калек и колясок в погожую пору.
Своих ли, чужих ли, но их всё везут и везут
по зову души или – будничней – по договору.

Вон с тем стариком, ветераном Второй мировой,
я даже знакома. «Грюз Гот!»* – говорит мне при встрече.
Но где воевал, перед кем пресмыкался «Яволь!»,
не знаю и знать не хочу – это время далече.

Накрашенной фрау, как раз из музея Тьюссо,
уже не поехать nach Russland на службу по сыну.
Бомбежки, блокада, инсульты – ей ведомо всё,
её рассекло, как Стеною, на две половины.

А этот уродец... О Господи, воля Твоя, –
глаза отведу, не подам, что убита, и вида,
но, Землю и Космос в порыве любви сотворя,
зачем не одернул любительниц талидомида?..

Привет, Макаревич! Вы правы – здесь всё, как везде:
рожают, хоронят: затылком – об стену, лбом – об пол.
Тяжелая муть в их очищенной трижды воде,
в их буйную зелень вонзил своё жало Чернобыль.

Но я отвлеклась от вполне заурядной зимы,
с дождями, что льют весь январь и не видно конца им...
Да, это – не рай! Но такие ли ангелы мы,
что всё, что не наше, утрируем и порицаем?

** Приветствие по-баварски.*

*** **

«Аллес аус цвайтер ханд!»* –
сочинил какой вагант
эту взрослую считалку,
погонялку, догонялку?

Шрот, фломаркт** – для русских рай.
С виду караван-сарай,
а внутри, а внутри
за гроши што хошь бери.

Всё расхватывают быстренько:
шкаф-комод эпохи Бисмарка,
в легких пролежнях матрацы
(спать на них, не просыпаться),

мейсенский фарфор – в щербинках,
чудо-зеркало – в рябинках,
кран без вентиля – приладим,
шелк слежавшийся – отгладим...

Что такое, сестры-братья?
Вас не вправе осуждать я,
я сама, я сама
от дешёвки без ума.

Только в прежней жизни бедной,
довоенной и победной,
переломной и застойной,
мы вели себя достойней.

Нет, товарищи-товарки,
лучше уж в Кусковском парке,
в жалкой шляпке на затылке,
тайно подбирать бутылки.

** Всё из вторых рук!" (нем.)*

*** Барахолка, Блошинный рынок (нем.)*

Чехия. 2004

П. С.

Давай пойдём на Карлов мост!
Шестивековый, величавый,
он вытянулся в полный рост
над видевшей так много Влтавой...
Давай пойдём на Карлов мост.

Да, West есть West, а Ost есть Ost.
Был марш пятиконечных звезд -
им вторили соборов своды.
Но швы от танковых борозд
остались на лице Свободы.

Нам всем спускался некий "Гост".
За отклонение от нормы
одних производили в гномы,
других пускали на компост...

Поднимем поминальный тост
за тех, уснувших на погосте –
за Яна Палаха и Костю* –
в небесном граде их погост.
Давай пойдём на Карлов мост.

Исцеловав подножье в лоск,
там льнут к Святому Непомуку,
американец спросит Муху**,
а кто скупей: "вот даз ит кост?"***.

Там Брунцвик**** занял вечный пост.
Он связан дружбою старинной
с влюбленной беженкой Мариной.
Ах, верба-хлест, что бьешь до слез?..
Страсть - на любви слепой нарост.

Природа женщины - лианья:
прижать, принять, алкать слиянья,
чтоб руки и душа вразброс.
Давай пойдем на Карлов мост.

Как тех, нас примет Карлов мост,
и станет всё предельно ясно.
Когда собаке рубят хвост,
не спрашивают "ты согласна?"
Ответ на это был бы прост,
но дар членораздельной речи
не даст ей выть по-человечьи...

Давай пойдем на Карлов мост!

** Константин Бабицкий, участник демонстрации
на Красной площади в 1968 году против вторжения
советских войск в Чехословакию.*

*** Выдающийся чешский художник.*

**** What does it cost? - сколько стоит?*

***** Бронзовая скульптура юноши, любимая Мариной Цветаевой.*

Картина Альфонса Мухи "Звезда"

У Сары-дивы* в пажах почти.
Волос извивы рисуй и чти.
Ходи в счастливых от ярких вежд,
от взбитых сливок ее одежд...

Нет, то не дело - он не холуй.
Плакаты смело давай малюй.
Он тот, который везет за двух:
моравский нором, славянский дух,
окрайны житель, где пьют и бьют.
Освободите народ от пут
австро-венгерских, от лютой мглы,
привычек зверских и кабалы!..

Мир дивований исчез, погас,
век надевает противогаз,
вьюнов и лилий прошел черед.
Освободили другой народ...

Вот он в России. Из глубины
встают витии и колдуны.
Ночь. Снег. Лунища, вся в пелене,
с нарядной нищей наедине.
Сидит как села, ее наряд
дик.
Очумелый у бабы взгляд.
Ты кто - крестьянка? Купчиха? Нет.
Ты - каторжанка грядущих лет,
вождям не дочка и не сестра.
Что там за точка из-за бугра?
Зеленых, волчьих гляделок - шесть.
Порвать ли в клочья? Живьем ли съесть?

А за туманной полоской льда
крупицей манной горит звезда...

Рукой не двину, смотрю, дивлюсь,
вот-вот в картину переселюсь,
на землю грохнусь. Снежок. Тепло.
Смерть – это роскошь, мне повезло.
Слезинку выжму. Идти – куда?
И не увижу, где там звезда...

Художник – старый, он знаменит.
Гестапо карой ему грозит.
"Успел зазнаться, ишь, плакатист!
Он перед наци вдвойне не чист:
славянской ковки, как прочий люд,
у той жидовки был лизоблюд..."

А где звезда-то, его звезда?
Идут на запад все поезда.
"А мне – до дому, мне – на восток!"
Шлагбаум, кома, приклад в висок.
И так счастливо из-за кулис
с улыбкой дива: "Альфонс, молись!"

...Убит в заклятом, как темный лес,
в тридцать девятом рукой СС.

** Сара Бернар.*

Староместская площадь в Праге

Настроим дух, ускорим шаг.
Зовут, вот-вот пробьют куранты.
На площади всегда аншлаг –
не убывают экскурсанты.

И каждый день, и каждый час,
собрав у башни всю округу,
чтоб коротко взглянуть на нас,
идут апостолы по кругу.

В окошках суженной бойниц
проходят поступью суровой
над сонмом современных лиц
процессией средневековой.

Что думают они, шепча
слова молитвы за пропавших?
Не от Петрова ли ключа
тот солнечный резвится зайчик?

Не безнадежны мы, мой друг, –
в бесчестье нас учили чести.
Другие контуры вокруг,
а мы с тобой на Старом месте.

Повременим, притормозим.
Где нас подкараулит старость?
И сколько лет, и сколько зим
по жизни странствовать осталось?

Тебя ли - я, меня ли – ты?..
Но есть у нас свои гаранты.
Рок выкрикнет: "Кранты! Кранты!",
А нам послышится: "Куранты"...

Пусть те, чьи зрение и слух
открылись с новым веком вместе,
осуществят семейный круг
на Новом месте.

Все семьи

ду

Минхену,

по славян

Тавле,

сво в ПК

Мюнхену

Мёнх... Монах... Начертал Барбаросса
имя города властной рукой.

Мюнхен стал, и расцвел, и разросся,
и поднялся над быстрой рекой.

Все четыре явления ада:
голод, ереси, войны и мор
потрясли основание града,
но не тронули мощных опор.

Макс Йозеф и Людвиг оба*,
сторонясь философских химер,
украшали свой город до гроба
на античный и личный манер.

Если б знать просвещенным владыкам,
пребывавшим в Эдемском саду,
сколь бесславным, плебейским и диким
будет путч в двадцать третьем году!

По вине австрияка-маньяка
и других негодяев больших
завязалась всемирная драка
и остался от Мюнхена пшик.

Починили тебя и собрали,
дивный город у быстрой реки.
Всякой твари впустили по паре,
искупая былые грехи.

Сколько шарма в твоих арапчатах, -
геноцид им теперь не грозит.
В телефонах твоих автоматах
мусульманской мочою разит**.

Я сама иноземная гостья
и, входя в католический Дом,
ощущаю себя мелкой костью
в перламутровом горле твоём.

Вижу в день этот раннеосенний
битву зла и добра наяву.
Но до новых твоих потрясений,
слава Господу, не доживу.

** Баварские короли.*

*** В телефонах твоих автоматах
Пролетарской мочою разит..."
(А.Межиров)*

*** **

*"Русские идут!" -
плакаты с таким названием были
развешены по городам Германии.
Журнал «Штерн» вынес плакат на свою
обложку.*

На плакате «Русские идут!» –
аты-баты.
Что за монстры выстроились тут?
Не солдаты!

Выполняла чья-то же рука
эти трюки:
баба, чьи бока – окорока,
девки – шлюхи.

Почему мужик-мордоворот
не в остроге?
Встретит – обязательно убьет
на дороге...

Плакатисты, горе-мастера
с духом прусским,
вам, наверно, нравится игра
«пли!» по русским.

Кто по улицам Москвы пилил
строем длинным?
Кто весной шерсть Зверя подпалил
под Берлином?

Взять на мушку, но не тех солдат –
вы без глюков.

Мертвые пускай себе лежат –
«шли!» в их внуков.

Могут и отделать «тра-та-та!»,
и надраться.

Нестерпима эта широта
для германца!

Переводят в еврики рубли,
прут за визой...

Если б деды их не полегли
там, за Вислой,

может, эта публика была б, –
ведь не дурни
и не каждый вор или арап, –
покультурней?..

Перестаньте в наши раны лезть –
злу есть мера!

Так не пахнет даже волчья шерсть –
только сера.

2005

Отсюда РЖ пролетар
Татьяна

Памяти Татьяны Бек

*«Чёрно с белым не берите,
«Да» и «нет» не говорите...»*

Из детства

- Черный веер из Гранады
принести тебе?
- Не надо.
- Ты ведь радовалась очень
опахалу цвета ночи.

- Там, где я теперь, темно.
Чёрно брать запрещено.
Там, где я теперь, прохлада.
Так что веера не надо.

- Хочешь, мы с тобой вдвоем
в город Вязники махнем?
У фатьяновских соловушек
русской удали займем?
Помнишь лиц круговорот?
Лих владимирский народ.
Ты была такой счастливой
в тот неповторимый год!

- Нет! В летеиских коридорах,
нет исхода из которых –
ни окошка, ни дверей, –
захлебнется соловей.

- Ну тогда – иной маршрут.
Прежним радостям – капут.

На потеху важным судьям
европейнками будем,

сбросив с плеч российский груз,
посетим обитель муз.
Хороша твоя мансарда,
выше леса, выше сада.
Сядем, потолкуем?

- Поздно!
Там то солнечно, то звездно,
а у нас без перемен:
тише-мыши, пепел, тлен.

- Хочешь, воскресим дурного,
пьющего, но дорогого
нам обеим человека?
Скоро будет четверть века,
как к нему я приближаюсь
сквозь кладбищенскую залежь.
Гамсуновский Пан, бирюк,
но талант и верный друг.

- Нет, бери его себе!
Он лишь миг в моей судьбе.
У меня покруче были.
Тот – в горах, а тот – в могиле.

- Что ж ты, Таня, «нет» и «нет»?
Дай хоть раз другой ответ.

- Чтобы "да" я отвечала,
воскреси меня сначала.

Февраль 2005

*** **

К 35-летию со дня смерти

Ярослав Васильич Смеляков...
Долго я его не вспоминала.
Из каких он вырвался оков?
Из какого вынырнул подвала?
Двум друзьям, «бубновым козырям»,
не дожидаться Реабилитанса*.
Павел и Борис** поныне там –
он один из троицы остался...
Профиль не славянский, хоть русак.
Зоркий глаз, берущий вас на мушку.
Носом будто нюхает табак
басурманский – царскую понюшку.
Жить бы ему в Званке***, как собрат,
осетра и стерлядь есть с собратом.
Но поэту сорок лет назад
долг велел работать с нашим братом.
Нюх имел охотничий – из ста
выбирал тот стих, который лучше,
нам, кто начал с чистого листа,
надирал до алой кромки уши.
Ненавидел выжиг и ловчил.
Выражался лагерною прозой.
А меня упорно обходил
руганью, особенно скабрёзной.
Не за то, что нет в стихах вранья!
Что стихи! Он слышал их немало.
Может, мать-учительницу я
обликом своим напоминала...
Как-то летом всей своей семьёй,
пол-Москвы успевшие обегать,
мы зашли в тот клуб, родной, смурной,
с дочкой малолетней пообедать.
Смеляковский выборочный глаз
нас в прямом соседстве обнаружил
и в пространство, а вернее, в нас
что-то трёхэтажное обрушил.

«Ярослав! – вскричал один пиит,
с львиной гривой и душой мышинной. –
Извинись, как ты ни знаменит,
перед этой девочкой невинной!»
Ярослав Васильевич привстал
и сказал презрительно и громко:
«Пусть не водят по таким местам
своего невинного ребенка!»
...Только раз поэт явился мне
в красоте торжественной, иконной
в Спасском, на незыблемой земле,
бунинской, тургеневской, исконной.
И, когда я возвращаюсь вспять,
вспоминается не матерщинник –
нежный сын, свою любивший мать
всю, от ботинок и до морщинок.

** Ходившее среди интеллигенции горько-ироническое
наименование периода после XX съезда партии, когда были
реабилитированы сотни тысяч невинно пострадавших в эпоху культа
личности Сталина*

*** Поэты Павел Васильев и Борис Корнилов*

**** Новгородское поместье Гаврилы Державина*

*** *** ***

Немецкие тихие дети
неслышно играют в бирюльки.
Их вместе с песочницей ветер
покачивает, как в люльке.

Немецкие дружные пары,
покинув постельный кокон,
цветочные водопады
вывешивают из окон.

Немецкие программисты,
дорвавшиеся до дела,
следят, чтоб в бюро было чисто,
уютно и всё блестело...

А мы для них – нечто, некто,
заезжие разгильдяи,
высокого интеллекта
они в нас не угадали.

Они не приемлют наших
шуб, шапок и речи скверной.
Для них – незаконный фашинг*
тряпье, как из костюмерной.

Они говорят, как в вату.
У нас каждый звук отточен.
Вокальные аппараты,
и те непохожи очень.

Вокальные аппараты,
лечебные препараты...
Всё рядом, но всё разнится.
Мы – дома, но за границей.

** Немецкий карнавал перед постом.*

Белка

То, что хамсин в Израиле,
в Испании – торнадо,
здесь обрело название
без склада и без лада.

«Фён» – и бледнеют дамочки,
и горсть пилюль съедают.
Ну, наши-то ударнички
не так уж и страдают...

Но ветра завихрения,
сродни мазкам Ван-Гога,
на древонасаждения
влияют очень плохо.

«Фён!» – и деревья падают.
С антенною на ухе,
их белочка разглядывает
в смятенье и испуге.

Прыг-скок над мёртвой липою.
Мелькнула и исчезла.
Ее сравнила с лирою
большая поэтесса*.

...Диагноз жёг. Затягивалась
болезнь. А вдруг неправда?
Курила – не затягивалась.
Но было всё напрасно.

Боль поле зренья сузила,
сомкнула губы крепко,
душе была обузою
ее грудная клетка.

Чем жертвенное дерево
земле не угодило,
кем это было велено –
свести его в могилу?

Поэт, столь рано явленный,
небесная работа.
Из этой клетки сдавленной
стих бил, как из брандсбойта.

Компьютерная всадница:
глаголы и наречья.
Не подстрахуешь – свалится,
и муж держал за плечи.

Когда же всё закончили,
вдруг расступились стены.
Не кошка – белка: кончики
ушей, как две антенны –

в тот мир... Дорога тайная.
Она глаза прикрыла.
Родное очертание:
головка, хвостик – лира!

** Ольга Бешенковская*

Концерт китаянки из USA
Клер Хуанци в Мюнхенском
Геркулесзале

Фарфоровая девушка, фарфоровые руки.
У жабер у роялевых – могучий выдох струн...
Бах шлет к престолу Вышнего молитвенные звуки,
Бетховен скорбно-радостен, Чайковский вечно юн.

Ей, рисовому зернышку, дана такая сила,
что в зале гобеленовом она царит сейчас.
Все подвиги Геракловы я, каюсь, подзабыла.
Чье ухо сверху слушает? Чей смотрит сверху глаз?

Движенья пальцев беглые, движенья пальцев ловкие.
Она меж Древней Грецией и Мюнхеном – связной.
Пусть гидра поднимает змеинные головки –
искусству нету дела до нечисти земной.

Она бежит на вызовы, но собрана предельно,
и вся еще у музыки в томительном плену.
А в волосах присобранных, как месяц, диадема.
Она отводит за уши их темную волну...

Китайцы оскандалились – и вот обвал на бирже.
Американцы пыжаты: кого б еще пугнуть...
Она ж сюда приехала, чтоб к Баху быть поближе,
а значит, ближе к Богу – и в этом соль и суть.

Вечный город

Дочери моей Александре

Долго нам не открывался спящий Рим...
Кто такие? С чем пришли? Чего хотим?
Если зрелищ – не будить по пустякам!
Если веры – по соседству Ватикан.
Если пищи – пусто в рыночных рядах:
«фрукты моря» леденеют на складах...
Утром поднял нас и, как детей,
заманил в ловушки площадей,
улочек, фонтанов, кабачков,
булочных, палаццо и толчков.
Ветром кожу сёк свирепей, чем в Москве,
градом мартовским лупил по голове,
спрятав руль под рукавицами верзил,
задавить нас мотоциклами грозил,
не пускал ни в Колизей, ни в Пантеон,
пожелтевшими обломками колонн
будто скалился: – «Какой вас бес принёс?»
Раздражал его российский наш прононс.
«Вы не римлянки! – шумело всё кругом. –
Третий Рим* ваш хуже, чем Содом»...
В переходный час меж ночью – днём,
между пробуждением и сном,
час прозрений, откровений час,
я услышала какой-то странный глас.
«Чужеземка! Приклони ко мне твой слух!
Да, я стар, но не безумен и не глух.
Я устал от шествий, форумов и игр.
Нечистотами – не рыбой полон Тибр.
Не глотнуть живой воды, не продохнуть
от сандалий, попирающих мне грудь,
от паломников, которым нет числа,
сколько варваров эпоха родила –
огненная лава, грозный сель.
Всем путям, что в Рим ведут досель,

предпочту прямой обратный путь:
сняться с якоря и в море утонуть...
Вечный город – как же может он не быть,
Атлантидой в бездну кануть и не всплыть?
Рим есть мир, когда прочтешь наоборот, –
потому меня и оторопь берет.
Тыщи лет терпел людей и был таков.
Словно семь печатей – семь его холмов.
Если снимет Ангел первую печать...
Но об этом смертным лучше промолчать.

** Восходящее к 14-му и 15-му вв. религиозное представление
о Москве как преемнице Рима и Константинополя.*

Неореализм*

На площади Испании
мне не хватало девушек,
не стершихся из памяти,
нас женственнее сделавших...

Мы были угловатыми
подростками зажатými.
Накаченные мужеством,
на страсть взирали с ужасом.
Брак строгой меркой мерили,
ни силе чувств не верили,
ни заграничным фокусам
и жили, как по прописям...

А итальянки юные
по-женски были умные.
Горячие и грешные,
с любимым были нежными,
с постылым были гневными,
решительными девами.
Двужильные и стройные,
свой дом надолго строили...

Откуда брали линии
и густоту ресничную?
У кипариса, пинии,
у вьющейся глицинии,
красотки заграничные.

Нарядны и без денежек,
прелестны и в страдании.

Не знаю лучше девушек,
чем с площади Испании...

Теперь они все бабушки,
а может, и прабабушки.
Не стали белоручками,
а заняты правнучками.
Сидят – играют в ладушки,
стоят – пекут оладушки.
А для меня, ровесницы,
они – свободы вестницы.

** К/ф «Девушки с площади Испании».
Италия. 1952*

Гаданье

Поманила веткой розмарина
девушку-ровесницу цыганка,
по-испански что-то говорила,
что – не разумела иностранка.

«На, лови!» – и вместо предсказания
бросила браслетик ей на счастье.
Сколько форсу: кофточка фазанья,
брюки клеш, медяшка на запястье...

Минуло полвека – и гадалка
сморщилась картошиной печеной.
Видит: в узкой улочке каталка,
бабку волонтер везет ученый.

«Ах, не ты ль мне прочила победу? –
закричала старая с коляски. –
Как за ним носилась я по свету,
говорить училась по-испански.

Вот он, твой магический браслетик..."
Но погас огонь под тщетным гримом.
Вспомнила о безучастных детях,
вспомнила о муже нелюбимом...

А цыганка усмехнулась горько,
ветхое поправив покрывало.
«Я девчонкам говорила только
то, чего себе тогда желала.

Старый хрыч теперь мой смуглолицый,
да и твой, я думаю, не краше.
Ну, а мы с тобой, заморской птицей,
черепки одной разбитой чаши».

Гранада

*** **

*Я хату покинул,
Пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать.*

М. Светлов

От Гренады до Гранады
не смолкает канонада,
от Гренады до Гранады
пушки бьют, свистят снаряды.
Кто в провинции испанской
запалил огонь Гражданской?

...У мечтателя-хохла
ни кола и ни двора.
Был и дом и палисад,
мирный труд и с миром лад,
но, как взрыв ручной гранаты,
прозвучал призыв Гренады.
На своей земле пожар -
для чужой души не жаль...

Здесь с иссохшего одра
не поднимется вода,
от пригорка до пригорка
горяча земная корка,
не растет тут кукуруза,
нет ни дыни, ни арбуза,
жить под жгучим небом синим
нравится одним маслинам.
Ноу-хау обнаружь,
чтоб осилить эту сушь...

Лез веками на откос
верхолаз и водонос,
только чтоб сады Альгамбры*
райски пахли и без амбры,
чтоб цветы, свисая с круч,
славили: аллах могуч!..

Под каррарской глыбой белой
спят Фернандо с Изабеллой,
сторожит другая глыба
сон Хуаны и Филиппа** .
В крипте лишь их прах, не боле.
Дух - в зените, дух – на воле.
А светловский хлопец гарный
им толкает план аграрный.
Пусть в родной земле зарыт –
он навек с Гранадой слит.

** Дворцы арабских султанов.*

*** Католические короли 16-го века.*

*** *** ***

Оторвались от земли,
от ночлега,
драгоценный груз везли –
человека.
Пролетали выше птиц,
гроз апрельских
над одною из столиц
европейских
и у клиники большой
в Арабелле
исполинской стрекозой
наземь сели.

Посреди полночной тьмы –
свет, площадка,
нет житейской кутерьмы,
беспорядка.
Хватит с доктором, сестра,
 совеща́ться!
Довезли живым – пора
с ним прощаться...

Санитары тут как тут.
Без опаски
Тело брненное везут
на коляске.
Ослепляет яркий круг
в белом круге.
Не смыкавший глаз хирург
вскинул руки.
Экий снайперский прицел,
эка дерзость!
Лоб над маскою вспотел.
Плоть разверзлась...

Осознает ли больной,
что сегодня
побывал он в проходной
преисподней?
Побывал и вышел вон, –
нет, не финиш, –
в древо жизни так вращен,
что не вырвешь.

...Темь стояла, как внутри
кашалота.
И летали до зари
вертолёты.

*** **

Не ресторан, не бал, а так –
междусобойчик.
Мой кавалер, а он в летах,
чем озабочен?

Партнершу в танго провести
не без азарта
и проводить, в конце пути
сказав «до завтра».

До завтра, мой неожиданный друг!
Кто был – тот выбыл.
Так много женщин есть вокруг –
ценю ваш выбор.

Сегодня я сама веду,
а не ведома.
В двенадцать – слышите – я жду,
я буду дома...

Ушла не так уж и давно
к мужчине тяга,
но в утешенье мне дано
вот это танго...

И в школьные мои года,
и через годы
не удавались никогда
мне переходы.

Поэтому иду сейчас
без выкрутасов,
как будто от сверлящих глаз
нам нету спасу

и мне покоя не дает
развязка драмы:
линейкой вытянутый рот
у классной дамы...

Станцуем же на посошок –
не надо плакать!
Спасибо, что во мне зажег
не страсть, а память

о хрупком чувстве, что внутри
себя скрывала, –
тогда и круг, и два, и три –
всё было мало...

Но синтезатор сплеховал
и буркнул глухо.
Всего полкруга – и обвал,
всего полкруга...

*** *** ***

Вдруг солнце отразилось
в углу окна,
и всё преобразилось:
зима? весна?

На небе солнца нету,
но угол желто-ал,
как будто кто монету
из золота загнал.

Двора параллелепед,
мой – ёлочкою – след
пьют и никак не выпьют
условный этот свет.

Жизнь и теперь колоча,
и в будущем – не шёлк,
всё думаешь, не лучше ль
тем, кто уже ушел.

Мы в тупике. Однако
есть выход, и простой:
мир выкупить у мрака
за этот золотой.

Кому какое дело:
весна? зима?
Всё-всё помолодело,
и я – сама.

Актриса

Памяти Нелли Ивановны Каменевой

Поэтов встречают поэты. Матёрых
бандитов – разбойники и отморозки...
А кто на том свете встречает актёрок?
Я думаю, Щепкин и старый Островский.

Им точно известно, что в эру не нашу,
а может, и нашу, – все эры похожи, –
на ту, на одну, Жемчугову Парашу
приходятся сотни невольниц пригожих.

Они не пастушки и не ангелочки, –
открыты все двери, анкета без пятен, –
а всё Несчастливцева вечные дочери:
непрочен их быт, ну а Лес непрогляден.

Сначала студентку батьки поучают:
«Актриса и в рубище выглядит классно.
Уборщицы больше, чем вы, получают.
Грязна их работа, а ваша – прекрасна».

Потом репетиции, читки, гастроли.
Какие бы беды тебя ни терзали,
не смей выпасть из заученной роли,
вот дома и плачь, а не в праздничном зале!

Кому-то фартит: благородного мужа
послала судьба. И такое бывает:
коллега, заботник, красавец к тому же.
Но миг – и над ним уже кадиш читают.

Сынок наострился уехать далече.
– Нет, я не поеду! – печально до стона. –
У нас в понедельник «Театральные встречи».
И там я старушка, а здесь примадонна.

Какое мученье, какая истома
от публики избранной, оранжерейной
в потёмках пилить до панельного дома,
закутавши горло косынкою шейной.

И знать, что от бабьего куцега века
еще и откусит театр сколько может,
что выхода нет, что и Лопе де Вега
ту юную прыть возвратить не поможет...

Похоже, слова мои слишком суровы
и я не права? Но, скажите на милость,
с чего у звезды, «достоянья Молдовы»
на сцене вдруг сердце остановилось?

<

*** **

Что вместила жизнь моя,
что, прощаясь, вспомню я?
Парту с вырезанной ножиком
репкой сердца.
Солнце с дождиком.
Поболтай в реке ногою,
комара согнав другою...

Что потом?
Потом, из дома
жгучей силою ведома,
в поезд – прыг,
на катер – прыг,
наступает важный миг.
Юг. Истома полнолуныя...
Век спустя Тото Кутунья
не в Пицунде – в Юрмале
спел про страсти юные,
про мужчину с женщиной.
Та пластинка с трещиной...

Что еще?
В канун Крещенья
блюдца странное вращенье.
Круг. По кругу – алфавит.
Дух с живыми говорит.
Он всезнаньем не бравирует,
все вопросы игнорирует
и, увидев наши лица,
заклинает нас молиться...

*** *** ***

о. В.З.

Високосный тянется и тянется.
Выхожу из штопора с трудом.
Что же, что же с нашим домом станется,
если мы покинули наш дом?

Что случится с многоликой площадью
(Скобелевской некогда звалась),
с долгоруковской державной лошастью,
на которой утвердился князь?

С переулком, мимо храма в Шубине
вниз бегущим ручейку под стать?
Помните ИМЭЛ*? "Карл Маркс, – пошутите, –
вас и в Мюнхене сумел достать**".

А наш МХАТ? Здесь ценят, и недёшево,
звездочек заезжих антреприз,
но Тарасова, Еланская и Гошева
перешпionут всех актерок и актрис...

Вы вот служите в античной Брешии,
молдаванкам и украинкам отец.
Причастите всех – они безгрешные,
празднуют Империи конец.

Не иконам молятся, а денежкам.
День работают, дежурят ночь,
алкашам-мужьям и кровным деточкам,
хворым бабушкам должны помочь.

О себе сказать и вовсе нечего.
Вот пишу нескладное письмо,
по чужим дворам брожу до вечера,
что-то, жду, изменится само.

**Институт марксизма-ленинизма*

***Автор обитает близ Карл-Маркс-Ринга*

*** *** ***

Пошуршу я листьями,
пошуршу
сладко и таинственно:
шу-шу-шу.

Этот ливень лиственный
надо мной –
осенью единственный
дождь грибной.

Ни опят, ни белого
не видать.
Что ж для сердца бедного
благодать?

Что живу я, старая,
веселей,
что хожу без пары я
костылей,

одолею лесенку
так, шутя,
промурлычу песенку,
отметя

звуки ненапевные,
словно шлак.
А шаги – как первые,
каждый шаг.

Окно

Ничего не случилось,
просто сделалось ясно:
то окно, что лучилось
мне навстречу, погасло.

Обессилел ли донор,
поборник лимита,
или штору задернул
хозяин сердитый,
но ни сбоку, ни снизу,
сквозь веток сплетенье,
хоть убей, я не вижу
никакого свечения.

Никто не виновен,
и я неповинна.
Пилигриму не внове
окна крестовина.

*** **

Я не рыба на берегу,
где торчат камыши сухие.
Вглубь нырнуть я еще смогу,
приучаясь к речной стихии.

Я в соленой жила воде
жизнью трудной, но интересной.
А теперь я в иной среде,
усыпительной, только пресной.

Как летучая рыба, влёт
одолею свою нирванну.
Вихрь поднимет и понесёт
к всемогущему Океану.

Содержание

- 7 набросок с натуры
- 8 ...Эмиграция – такая суета...
- 9 Нюрнберг 1999
- 11 Парк Нимфенбург зимой
- 12 ... Иисус, но не Христос...
- 13 ...Потомки тех...
- 15 Хрустальная ночь 9.11.1938
- 17 Хвалебная ода
- 19 Письмо
- 21 ...Лебедиха у спуска...
- 23 ...Интернет, как перископ...
- 24 ...Маленькие лилии
- 26 Гармиш
- 28 ...Эти мюнхенские эркеры...
- 29 ... Ты кто? Мой друг?..
- 30 Больница

- 31 Иноходец
- 33 Киви
- 35 ...«Аллес аус...
- 37 Чехия 2004
- 39 Картина Альфонса Мухи...
- 41 Староместская площадь в Праге
- 43 Мюнхену
- 45 ...На плакате «Русские идут!»...
- 47 Памяти Татьяны Бек
- 49 ...Ярослав Васильич...
- 51 ...Немецкие тихие дети...
- 52 Белка
- 54 Концерт китайки...
- 55 Вечный город
- 57 Неореализм
- 59 Гаданье
- 60 ...От Гренады до Гренады...
- 62 ...Оторвались от земли...
- 64 ...Не ресторан ...

66 ...Вдруг солнце отразилось...

67 Актриса

69 ...Что вместила жизнь моя...

70 ...Високосный тянется...

72 ...Пошуршу я листьями...

73 Окно

74 ...Я не рыба на берегу...

© Тамара Жирмунская, КИВИ KIWI, стихи 1999-2009 гг., 2009

© Леонид Рабичев, дизайн-макет, 2009

© Леонид Рабичев, Федор Рабичев, иллюстрации, 2009

Отпечатано в типографии ООО "Риза-Принт"
Заказ 86 от 14.05.09. Тираж 100 экз.
Москва, Садовая-Самотечная, 8/3.
Тел./факс: 505-18-22, 699-08-22
e-mail: 5051822@mail.ru

